This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Stat 9354.2.374

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT FROM THE

AMEY RICHMOND SHELDON
FUND

Л. Н. ТОЛСТОИ.

ПИСЬМА О ЕГО УЧЕНІИ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

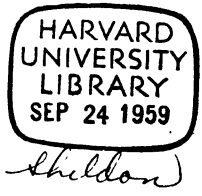
♡♡♡

ПИСЬМА о ЕГО УЧЕНІИ

Община и міръ. — Внѣшнее и внутреннее единеніе. — Ложь и вѣра. — О любви и жизни. — Изъ частныхъ писемъ и бумагъ разнаго времени. — Изъ писемъ послѣдняго времени. — Нѣсколько мыслей о болѣзни и смерти.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
1902.

Slav 4354.2.374



I.

Община и міръ.

(Изъ письма Л. Н. Толстого къ Д. А. Х.)

1.

Третьяго дня получилъ Ваше письмо Д. А. и сейчасъ опять перечелъ его. Постараюсь отвѣтить на главное содержаніе его, какъ я его понимаю. Чтожъ за бѣда, что общины распались? Если бы мы считали, что общины эти образецъ того, какъ должно осуществиться въ мірѣ ученіе Христа и какъ установить царствіе божіе, тогда бы это было ужасно: тогда распаденіе общины показало бы несостоятельность ученія Христа; но такъ вѣдь не смотрѣли на эти общины не только мы со стороны, но и участвовавшіе въ нихъ. (Если кто смотрѣлъ такъ, то распаденіе исправитъ этотъ ложный взглядъ и потому распаденіе въ этомъ смыслѣ даже полезно). Общины эти были извѣстной формой жизни, которую

избрали нѣкоторые люди въ своемъ движеніи по пути, указанномъ Христомъ. Другіе люди избрали другія формы (или другіе люди были поставлены въ другія условія) какъ вы, я, Ге и всѣ люди, идущіе по тому же пути. И какъ вы сами пишете, что какъ ни хороши поселенія отдѣльныя, онѣ хороши пока нужны, — всякія формы, какъ формы непремѣнно переходныя, какъ волны. Если общины распались, то только потому что люди, жившіе въ нихъ выросли изъ своей оболочки и разорвали ее. И этому можно только радоваться. Я пишу теперь отчасти объ этомъ и разумѣется въ письмѣ не выскажешь всего ясно, но попытаюсь, а вы помогите — понимайте и не ясно сказанное.

Христіанство есть движеніе по пути, указанному Христомъ — истиною къ совершенству полному Отца небеснаго. И христіанство тѣмъ болѣе христіанство, чѣмъ болѣе оно движеніе, чѣмъ ускореннѣе это движеніе. Такъ что начальникъ мытарей Закхей весь жившій въ свои похоти, вдругъ рѣшившій отдать, — въ этотъ моментъ больше христіанинъ, чѣмъ ученики, спрашивавшіе какія имъ будутъ награды за ихъ вѣрность; разбойникъ на крестѣ, блуд-

ница, мытарь больше, чѣмъ фарисей. Всякій человѣкъ, на какой бы онъ низкой ступени ни стоялъ, можетъ быть христіаниномъ, двигаться и можетъ ускорить это движеніе до безконечности (замѣтьте, ничто не трогаетъ насъ, не радуетъ насъ такъ сильно, какъ эти движенія, когда грѣшникъ кается — потерянная овца, монета) и на какой бы высокой ступени праведности человѣкъ ни стоялъ, онъ можетъ перестать двигаться, перестать быть христіаниномъ. Ничто же не останавливаетъ такъ движеніе, какъ извѣстная форма, какъ оглядываніе на себя, сознаніе себя на извѣстной ступени (вѣдь это сознаніе и есть форма „чтобы лѣвая не знала, что дѣлаетъ правая“ и „не надеженъ для Ц. Б. взявшійся за плугъ и оглядывающійся назадъ“...). Это самое дѣлали и дѣлаютъ всѣ церкви. Что есть церковь? Прочтите въ катехизисѣ въ православномъ, и католическомъ и лютеранскомъ. Онѣ другъ друга отрицаютъ и каждая утверждаетъ, что она въ истинѣ. Такъ что строгое точное опредѣленіе церкви — это люди, утверждающіе про себя, что то пониманіе истины и исполненіе ея, которое они себѣ усвоили есть единое правильное. А это вѣдь говоритъ вся-

кій человѣкъ, который признаетъ ту форму, которую онъ избралъ единой правильной. Это стремленіе людей сознавать форму и признавать ее правильной, хотя бы это и не доходило до жестокости церковной, есть главное препятствіе христіанству — это треніе. И задача людей, идущихъ за Христомъ уменьшать это треніе сколь возможно. Формъ для слѣдованія по пути Христа, какъ точекъ на безконечной линіи, безконечное количество и ни одна не важнѣе другой. Важна быстрота движенія. А быстрота движенія въ обратномъ отношеніи къ возможности опредѣленія точекъ.

Еще: вы говорите, что вамъ не нравится слово и понятіе самоусовершенствованіе и также не нравится совершенстованіе: оно слишкомъ неопредѣленно и широко. Я это понимаю. Я объ этомъ самомъ, — а это имѣетъ связь еъ вопросами объ общинахъ и о формахъ — думалъ такъ: (притча о садовникахъ). Жизнь истинная дана человѣку подъ двумя условіями: 1) чтобы онъ дѣлалъ добро людямъ (добро же есть только одно — увеличивать любовь въ людяхъ — накормить голоднаго, посѣтить больного и т. д. — все это

только для того, чтобы увеличить любовь въ людяхъ); а 2) чтобы онъ увеличивалъ данную ему силу любви. Одно обусловливаетъ другое: добрыя дѣла, увеличивающія любовь въ людяхъ только тогда таковы, когда при совершеніи ихъ я чувствую, что во мнѣ увеличивается любовь, когда я дѣлаю ихъ любя, съ умиленіемъ; увеличивается же во мнѣ любовь (я совершенствуюсь) только тогда, когда я дѣлаю добрыя дѣла и вызываю любовь въ другихъ людяхъ. Такъ что если я дѣлаю добрыя дѣла и остаюсь холоденъ, или если совершенствуюсь и думаю, что увеличиваю въ себѣ любовь, а это не вызываетъ любви въ людяхъ (другой разъ еще вызываетъ зло) то это не то. Только тогда — и мы всѣ это знаемъ — я навѣрно знаю что то, когда и я люблю больше и люди дѣлаются отъ этого любовнѣе (между прочимъ это доказательство того, что любовь есть единая сущность — Богъ одинъ во всѣхъ — раскрывая его въ себѣ, раскрывать его въ другихъ и наоборотъ).

Такъ вотъ я думаю, что всякое устройство, всякое опредѣленіе, всякая установка сознанія на какомъ нибудь состояніи есть преобладаніе

заботы о увеличеніи въ себѣ любви, самосовершенствованіе безъ добрыхъ дѣлъ. Самая грубая форма такая есть стояніе на столбу, но всякая форма есть болѣе или менѣе такое стояніе. Всякая форма отдѣляетъ отъ людей, слѣдовательно и отъ возможности добрыхъ дѣлъ и вызыванія въ нихъ любви. Таковы и общины и это ихъ недостатокъ, если признать ее постоянной формой. Стояніе на столбу и ухожденіе въ пустыню и житье въ общинѣ можетъ быть нужно временно людямъ, но какъ постоянная форма это очевидный грѣхъ и неразуміе. Жить чистой святой жизью на столбу или въ общинѣ нельзя, потому что человѣкъ лишенъ одной половины жизни общенія съ міромъ, безъ котораго его жизнь не имѣетъ смысла. Чтобы жить постоянно такъ, надо обманывать себя потому что слишкомъ ясно, что, какъ невозможно въ потокѣ мутной рѣки выдѣлить какимъ нибудь химическимъ процессомъ кружокъ чистой воды, такъ невозможно среди всего міра, живущаго насиліемъ для похоти, жить одному или однимъ святымъ. Вѣдь надо купить или нанять землю, корову, надо войти въ отношеніе съ внѣшнимъ міромъ нехристіанскимъ. А въ этихъ то от-

ношеніяхъ самое важное и нужное. Уйти отъ нихъ нельзя да и не слѣдуетъ. Какъ вообще бываетъ нельзя дѣлать того, что не слѣдуетъ. Можно только обманывать себя. Вѣдь все дѣло ученика Христа установить наихристіаннѣйшія отношенія съ этимъ міромъ.

Представьте себѣ, что всѣ люди, понимающіе ученіе истины какъ мы, собрались бы вмѣстѣ и поселились бы на островѣ. Неужели это была бы жизнь? И представье себѣ, что весь міръ, всѣ люди идутъ волей не волей по одному и тому же пути, по которому идемъ мы, но люди понимающіе также какъ и мы, стоящіе на той же ступени (теперь) разбросаны по всему міру и мы имѣемъ радость встрѣчаться съ ними, узнавать ихъ и ихъ работы. Развѣ это не лучше? и это-то самое и есть.

Вы говорите: нельзя любить Ирода. Не знаю. Но знаю и вы знаете, что надо его любить, знаю и вы знаете, что если я не люблю его, то мнѣ больно, у меня нѣтъ жизни (I. Посл. Іоан. III, 14), и потому надо стараться работать и можно.

Я представляю себѣ человѣка, прожившаго среди любящихъ его всю жизнь въ любви, но

не любившаго Ирода, и другого, который всѣ силы свои употребилъ на любовь къ Ироду и оставался равнодушенъ къ любящимъ его и 20 лѣтъ не любилъ, а на 21-мъ полюбилъ Ирода и заставилъ Ирода полюбить себя и другихъ людей, не знаю кто лучше. „И если любите любящихъ васъ, что особенное дѣлаете“?....

Левъ Толстой.

II.

Внѣшнее и внутреннее единеніе.

(Изъ письма Л. Н. Толстого къ Х.)

Я внимательно перечелъ два раза оба ваши письма и понимаю все отдѣльно, но не понимаю общаго духа всего, не понимаю мотива вашего недовольства. Вы говорите: единеніе, но единеніе возможно только въ истинѣ. Для того чтобы найти единеніе съ людьми, не нужно идти на встрѣчу другъ другу, на встрѣчу людямъ, а нужно всѣмъ идти къ Богу или истинѣ. Тамъ только единеніе и не съ тѣмъ, съ кѣмъ я хочу или предполагаю, что у меня должно быть единеніе, а съ тѣми, кто пришелъ туда же куда и я.

Я себѣ представляю міръ огромнымъ храмомъ, въ которомъ свѣтъ падаетъ сверху, въ самой серединѣ. Чтобы сойтись, надо всѣмъ идти на этотъ свѣтъ и тамъ мы всѣ, приходя

съ разныхъ сторонъ, всѣ сойдемся и съ совсѣмъ неожиданными людьми. И въ томъ то и радость.

Такъ вотъ этого единенія и этими средствами мы можемъ и должны искать, и помогать въ этомъ другъ другу нельзя. Тоже что вы говорите о необходимости формы жизни совершенно справедливо, но мало сказать — необходимость, надо сказать неизбѣжность формы. Если кто живетъ отдѣльно или люди живутъ вмѣстѣ матерьяльно, или только духовно вмѣстѣ (какъ я понимаю, что живу со всѣми и вы съ другими) то непремѣнно есть форма этой жизни. И смотрѣть на эту форму, опредѣлять ее очень неудобно, да и вредно. Другіе пускай смотрятъ и опредѣляютъ форму, въ которой я живу, а мнѣ надо жить.

Еще вы нехорошо говорите, что когда придетъ нищій, некогда справляться, увеличивается ли любовь и т. д. Вѣдь вы знаете, что я сказалъ это не для того, но, чтобы, если есть сомнѣніе въ своей дѣятельности, по этой мѣркѣ прикинуть свою дѣятельность. И потому скажу, взявъ вашъ же примѣръ, что если насыпать ковшъ съ досадой или если тотъ, кому насыпаютъ ковшъ, ожидаетъ не

ковшъ, а мѣру и принимиетъ его съ досадой, то дѣятельность эта не правильная.

Не пойму почему вы недовольны собой и другими и чего вы хотите. Недовольство собой — не другими, мнѣ кажется должно быть и я часто утѣшаюсь тѣмъ, что не совсѣмъ еще пропалъ, что постоянно недоволенъ собой: но я знаю чѣмъ я недоволенъ — своими опредѣленными гадостями, въ избавленіи отъ которыхъ никто мнѣ помочь не можетъ, и работа надъ которыми составляетъ мою жизнь. О средѣ же, въ которой я живу, о внѣшнихъ условіяхъ моей жизни, я не забочусь, потому что знаю опытомъ, что та или другая среда, тѣ или другія условія вытекаютъ изъ моей большей или меньшей близости къ Христу, къ истинѣ.

Я живу такъ какъ я живу не потому что меня застало просвѣтленіе въ тяжелыхъ трудныхъ условіяхъ (какъ я думалъ прежде), а отъ того, что я дуренъ. Насколько лучше я буду и бываю, настолько лучше среда и внѣшнія условія. Если бы я былъ святъ, среда и внѣшнія условія были бы идеальныя, я бы жилъ такъ, какъ я представляю себѣ жизнь ученика Христа — нищимъ, бродягою, слугою

всѣхъ и я не отчаяваюсь и теперь достигнуть этого, потому что это всетаки въ моей власти. Стать лучше, ближе къ истинѣ вслѣдствіе внѣшнихъ условій также нельзя, какъ нельзя сѣсть на палку взявшись за нее руками и поднять себя. Внѣшнія условія, форма жизни, единеніе — все это послѣдствіе внутренняго совершенствованія — приближенія къ Христу; „Ищите Царства Божія“, которое внутрь васъ есть, и правды его, а остальное приложится вамъ. Можетъ быть я ошибаюсь и отвѣчаю вамъ на то, что вы не спрашиваете. Тогда простите. Писалъ любя, думая о васъ и желая, если бы могъ, быть вамъ полезенъ.

Левъ Толстой.

III.

Ложная вѣра.

(Изъ письма Л. Н. Толстого.)

. . . Получивъ ваше письмо, я тотчасъ же рѣшилъ постараться наилучшимъ образомъ отвѣтить на вопросъ первой, самой первой важности, который вы мнѣ ставите и который не переставая занимаетъ меня, но разныя причины до сихъ поръ задерживали и только теперь я могу исполнить ваше и мое желаніе.

Съ того самаго времени — 20 лѣтъ тому назадъ — какъ я ясно увидалъ какъ должно и можетъ счастливо жить человѣчество и какъ безсмысленно оно, мучая себя, губитъ поколѣнія за поколѣніями, я все дальше и дальше отодвигалъ коренную причину этого безумія и этой погибели: сначала представлялось этой причиной ложное экономическое устройство, потомъ государственное насиліе,

поддерживающее это устройство; теперь же я пришелъ къ убѣжденію, что основная причина всего — это ложное религіозное ученіе, передаваемое воспитаніемъ.

Мы такъ привыкли къ той религіозной лжи, которая окружаетъ насъ, что не замѣчаемъ всего того ужаса, глупости и жестокости, которыми переполнено ученіе церкви; мы не замѣчаемъ, но дѣти замѣчаютъ и души ихъ неисправимо уродуются этимъ ученіемъ. Вѣдь стоитъ только ясно понять то, что мы дѣлаемъ, обучая дѣтей такъ называемому закону божію для того, чтобы ужаснуться за страшное преступленіе, совершаемое такимъ обученіемъ. Чистый, невинный, необманутый еще и еще не обманывавшій ребенокъ приходитъ къ вамъ, къ человѣку пожившему и обладающему или могущему обладать всѣмъ знаніемъ, доступнымъ въ наше время человѣчеству и спрашиваетъ о тѣхъ основахъ, которыми долженъ человѣкъ руководиться въ этой жизни. И что же мы отвѣчаемъ ему? Часто даже не отвѣчаемъ, а предваряемъ его вопросы, такъ чтобы у него уже былъ готовъ внушенный отвѣтъ, когда возникнетъ его вопросъ. Мы отвѣчаемъ ему на эти вопросы грубой, не-

связной, часто просто глупой и главное жестокой еврейской легендой, которую мы передаемъ ему или въ подлинникѣ или, еще хуже, своими словами. Мы разсказываемъ ему, внушая ему, что это святая истина, то, что мы знаемъ, что не могло быть и что не имѣетъ для насъ никакого смысла, что 6000 лѣтъ тому назадъ какое то странное дикое существо, которое мы называемъ Богомъ, вздумало сотворить міръ, сотворило его и человѣка и что человѣкъ согрѣшилъ, злой Богъ наказалъ его и всѣхъ насъ за это, потомъ выкупилъ у самого себя смертью своего сына и что наше главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы умилостивить этого бога и избавиться отъ тѣхъ страданій, на которыя онъ обрекъ насъ. Намъ кажется, что это ничего и даже полезно ребенку и мы съ удовольствіемъ слушаемъ, какъ онъ повторяетъ всѣ эти ужасы, не соображая того страшнаго переворота, незамѣтнаго намъ, потому что онъ духовный, который при этомъ совершается въ душѣ ребенка. Мы думаемъ, что душа ребенка — чистая доска, на которой можно написать все, что хочешь. Но это неправда, — у ребенка есть смутное представленіе о томъ, что есть

то начало всего, та причина его существованія, та сила, во власти которой онъ находится, и онъ имѣетъ то самое высокое, неопредѣленное и невыразимое словами, но сознаваемое всѣмъ существомъ представленіе объ этомъ началѣ, которое свойственно разумнымъ людямъ. И вдругъ вмѣсто этого ему говорятъ, что начало это есть ничто иное, какъ какое то личное самодурное и страшно злое существо — еврейскій богъ. У ребенка есть смутное и вѣрное представленіе о цѣли этой жизни, которую онъ видитъ въ счастіи, достигаемомъ любовнымъ общеніемъ. Вмѣсто этого ему говорятъ, что общая цѣль жизни есть прихоть самодурнаго бога, а что личная цѣль каждапо человѣка — это избавленіе себя отъ заслуженныхъ кѣмъ-то вѣчныхъ наказаній, мученій, которыя этотъ Богъ наложилъ на всѣхъ людей. У всякаго ребенка есть и сознаніе того, что обязанности человѣка очень сложны и лежатъ въ области нравственной. Ему говорятъ вмѣсто этого, что обязанности его лежатъ преимущественно въ слѣпой вѣрѣ, въ молитвахъ — произнесеніи извѣстныхъ словъ въ извѣстное время, въ глотаніи окрошки изъ вина и хлѣба, которая должна пред-

ставлять кровь и тѣло бога. Не говоря уже объ иконахъ, чудесахъ, безнравственныхъ разсказахъ библіи, представляемыхъ какъ образцы поступковъ, такъ же какъ и объ евангельскихъ чудесахъ и обо всемъ безнравственномъ значеніи, которое придано евангельской исторіи. Вѣдь это все равно, какъ если бы кто нибудь составилъ изъ цикла русскихъ былинъ съ Добрыней, Дюкомъ и др. съ прибавленіемъ къ нимъ Еруслана Лазаревича цѣльное ученіе и преподавалъ бы его дѣтямъ, какъ разумную исторію. Намъ кажется, что это не важно, а между тѣмъ то преподаваніе такъ называемаго закона божія, дѣтямъ, которое совершается среди насъ, есть самое ужасное преступленіе, которое можно только представить себѣ. Истязаніе, убійство, изнасилованіе дѣтей ничто въ сравненіи съ этимъ преступленіемъ.

Правительству, правящимъ, властвующимъ классамъ нуженъ этотъ обманъ, съ нимъ неразрывно связана ихъ власть и потому правящіе классы всегда стоятъ за то, чтобы этотъ обманъ производился надъ дѣтьми и поддерживался съ усиленной гипнотизаціей надъ взрослыми; людямъ же, желающимъ не

поддержанія ложнаго общественнаго устройства, а напротивъ измѣненія его, и главное, желающимъ блага тѣмъ дѣтямъ, съ которыми они входятъ въ общеніе, нужно всѣми силами стараться избавить дѣтей отъ этого ужаснаго обмана. И потому совершенное равнодушіе дѣтей къ религіознымъ вопросамъ и отрицаніе всякихъ религіозныхъ формъ безъ всякой замѣны какимъ либо положительнымъ религіознымъ ученіемъ все-таки несравненно лучше еврейско-церковнаго обученія, хоть бы въ самыхъ усовершенствованныхъ формахъ. Мнѣ кажется, что для всякаго человѣка, понявшаго все значеніе передачи ложнаго ученія за священную истину, не можетъ быть и вопроса о томъ, что ему дѣлать, хотя бы онъ и не имѣлъ никакихъ положительныхъ религіозныхъ убѣжденій, которыя онъ бы могъ передать ребенку. Если я знаю, что обманъ — обманъ, то ни при какихъ условіяхъ я не могу говорить ребенку наивно довѣрчиво спрапрашивающему меня, что извѣстный мнѣ обманъ есть священная истина. Было бы лучше, если бы я могъ отвѣтить правдиво на всѣ тѣ вопросы, на которые такъ лживо отвѣчаетъ церковь, но если и я не могу этого, я все-

таки не долженъ выдавать завѣдомую ложь за истину, несомнѣнно зная, что отъ того, что я буду держаться истины ничего, кромѣ хорошаго произойти не можетъ. Да кромѣ того — несправедливо то, чтобы человѣкъ не имѣлъ бы чего сказать ребенку, какъ положительную религіозную истину, которую онъ исповѣдуетъ. Всякій искренній человѣкъ знаетъ то хорошее, во имя чего онъ живетъ. Пускай онъ скажетъ это ребенку или жизнь покажетъ это ему и онъ сдѣлаетъ добро и навѣрное не повредитъ ребенку. Я написалъ книжку, называемую „Христіанское ученіе“, въ которой я хотѣлъ сказать какъ можно проще и яснѣе то, во что я вѣрю. Книга эта вышла недоступною для дѣтей, хотя я имѣлъ въ виду именно дѣтей, когда писалъ ее. Если же бы мнѣ нужно было сейчасъ передать ребенку сущность религіознаго ученія, которое я считаю истиной, я бы сказалъ ему, что мы пришли въ этотъ міръ и живемъ въ немъ не по своей волѣ, а по волѣ того, что мы называемъ Богомъ и что поэтому намъ будетъ хорошо только тогда, когда мы будемъ исполнять эту волю. Воля же состоитъ въ томъ, чтобы мы всѣ были счастливы. Для того же,

чтобы мы всѣ были счастливы, есть только одно средство: надо чтобы каждый поступалъ съ другими такъ, какъ онъ желалъ бы чтобы поступали съ нимъ. На вопросы же о томъ, какъ произошелъ міръ, что ожидаетъ насъ послѣ смерти? я отвѣчалъ бы на первый признаніемъ своего невѣдѣнія и неправильности такого вопроса (во всемъ буддійскомъ мірѣ не существуетъ этого вопроса); на второй же отвѣчалъ бы предположеніемъ о томъ, что воля призвавшаго насъ въ эту жизнь для нашего блага, ведетъ насъ куда то черезъ смерть вѣроятно для той же цѣли.

Левъ Толстой.

13 декабря 1899 г.

IV.

О любви и жизни.

„Вы даете три примѣра своей несостоятельности: 1) злобу къ людямъ, 2) несоотвѣствіе жизни съ пониманіемъ жизни, и 3) сомнѣніе въ будущей, вѣчной жизни.

Первое — злобу къ людямъ, безсиліе не только любви, но прощенія, — я испытывалъ и испытываю сильнѣе всего и страдаю отъ этого больше всего. Утѣшаюсь тѣмъ, что въ этомъ Богъ помогаетъ мнѣ, и есть перерывы злобы, есть просвѣты сознанія своихъ винъ, грѣховъ, и потому — прекращеніе осужденія и даже проявленія жалости тамъ, гдѣ была злоба. Я увѣренъ, что и вамъ Богъ даетъ эти минуты, эти искры огня. А если есть искры, то будетъ и тепло, и свѣтъ.

Скажу, что̀ есть для меня тотъ трутъ, на который я ловлю эти искры, и которымъ пытаюсь разжигать свое сердце.

Главное — покаяніе, не огульное покаяніе: „Грѣшенъ, батюшка, грѣшенъ,“ или, еще хуже, признаніе того, что я весь въ грѣхахъ, родился въ грѣхѣ, что не ступлю — то грѣхъ. Это признаніе, собравъ, запекши въ одну кучу всѣ грѣхи, какъ бы отдѣляетъ ихъ отъ меня и лишаетъ меня той неизбѣжной душевной пользы, которая милосердіемъ Божіимъ приложена къ каждому грѣху, какъ противоядіе къ яду.

Покаяніе — не въ этомъ, чтобы каяться вообще за всю прошедшую жизнь, а въ томъ, чтобы видѣть въ своей душѣ слѣды, остатки, (хорошо еще какъ слѣды и остатки) прежнихъ грѣховъ, опредѣленныхъ, понятныхъ совершенныхъ тогда и тогда-то грѣховъ, и по этимъ остаткамъ живо представить себѣ всю свою прежнюю, да и теперешнюю порочность и дикость, и по каждой статьѣ особенно.

Для того, чтобы перестать злиться на человѣка, чтобъ примириться, простить, если есть что прощать, даже пожалѣть и полюбить его, надо что? Лучше всего вспомнить свой грѣхъ передъ нимъ такой-же, какъ его. Это особенное счастье, и тогда сразу исцѣленіе. Но это рѣдко случается, (хотя и то кажется,

что рѣдко, потому что мы плохо ищемъ), и потому надо искать подобный-же, иди хоть равный, еще лучше худшій грѣхъ передъ другими. И если это сдѣлаешь искренно, серьезно, и живо впомнишь свою мерзость, — простишь, примиришься и, Богъ дастъ, пожалѣешь и полюбишь.

Разумѣется, помилуй Богъ притворяться, что любишь и жалѣешь, когда не любишь и не жалѣешь. Это хуже ненависти. Но избави Богъ тоже не уловить и не раздуть эту искру жалости и любви къ врагу, Божеской любви, когда Богъ пошлетъ тебѣ искру ея. Вѣдь драгоцѣннѣе ея ничего нѣтъ.

У насъ ужасная привычка забывать, — забывать свое зло, свои грѣхи. И нѣтъ болѣе кореннаго средства забыть свои грѣхи, какъ огульное покаяніе. Всѣ грѣхи скипятся въ одну какую-то непроницаемую массу, съ которой нечего дѣлать, и когда понадобится для своего употребленія, свой грѣхъ такой хорошенькій, которой бы искупилъ грѣхъ согрѣшающихъ противъ меня, — и не найдешь. А этотъ музей надо держать порядкѣ, чтобы сейчасъ найти, что̀ и когда нужно, и чтобы всѣ они, предметыгрѣхи были порознь, не за-

крывали бы одинъ другого, и являлись бы въ самомъ внушительномъ видѣ. Не забывать надо, а помнить, всегда помнить свои грѣхи, чтобы ими смягчать осужденіе чужихъ. Я думаю, что главная разница добраго человѣка отъ злого — та, что добрый помнитъ все сдѣланное имъ злое, а забываетъ, не видитъ добраго, а злой — наоборотъ.

Такъ вотъ, по первому пункту могу вамъ сказать то, что̀ мнѣ указалъ Богъ: не прощай себѣ, тогда будете прощать другимъ.

Второе — несоотвѣтствіе жизни съ тѣмъ, что̀ она, вы говорите, должна быть; а можно прямо сказать — съ тѣмъ, что̀ она будетъ, — есть ея признакъ, т. е. признакъ жизни: желудь не соотвѣтствуетъ дубу, яйцо — курицѣ, кающійся гвѣшникъ — святому. Во всѣхъ происходитъ движеніе отъ низшаго состоянія къ высшему, отъ худшаго къ лучшему, отъ меньшаго къ большему, — все это не точно, происходитъ жизнь.

И вотъ къ этой-то жизни есть троякое отношеніе:

1-е. Жизнь идетъ, и существо, какъ желудь, младенецъ, иногда даже человѣкъ, не

чувствуетъ, не сознаетъ этого движенія, и не помогаетъ, и не препятствуетъ ему.

2-е. Человѣкъ сознаетъ это движеніе, — видитъ то, къ чему онъ идетъ, и торопитъ это движеніе, спѣшитъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ сдѣлаться. Мальчикъ хочетъ быть взрослымъ, воображаетъ, что если онъ надѣнетъ мундиръ, будетъ ѣздить на охоту, пить и ругаться, то онъ будетъ мущина. То-же происходитъ и въ духовной жизни: человѣкъ видитъ, что онъ идетъ къ добру, къ освобожденію отъ грѣха, къ святости, и воображаетъ, что если онъ принесетъ жертвы барановъ, свѣчи, если исповѣдуется, причастится, или если онъ увѣритъ себя, что жертва эта принесена, что онъ очищенъ отъ грѣха, — то и точно онъ освободится отъ грѣха и достигнетъ святости. Это ужасный путь. Какъ мальчикъ развращается, желая быть тѣмъ, что̀ онъ не есть, такъ и человѣкъ, желающій духовно быть тѣмъ, что̀ онъ не есть.

3-е. Человѣкъ видитъ, куда онъ идетъ, знаетъ, что несоотвѣтствіе его жизни съ его сознаніемъ есть условіе его жизни, и всѣми силами стремится уменьшать въ своей жизни это несоотвѣтствіе, зная, что это не есть его

личное дѣло, а дѣло его Отца, того, который его послалъ сюда такимъ, какимъ онъ есть, и вложилъ въ него сознаніе того, какимъ онъ долженъ быть и будетъ. И человѣкъ, зная, что это несоотвѣтствіе не есть нѣчто особенное, случившееся, но — законъ всякой жизни, безъ котораго невозможно никакое движеніе и приближеніе къ вѣчному и безконечному совершенству, Богу, — человѣкъ, зная это, видитъ въ этомъ несоотвѣтствіи условіе своей жизни и блага.

И въ самомъ дѣлѣ, если-бы у человѣка не было разумѣнія и вытекающаго изъ него сознанія несоотвѣтственности его жизни съ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, и жизнь бы была такою, какою она была, когда онъ былъ бы неразумнымъ грѣшникомъ, (вѣдь всѣ проходятъ черезъ грѣхъ, не одни мы съ вами), ему бы было хуже. Если-же бы не было его грѣховности, и онъ могъ бы сразу быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ быть по своему разумѣнію, то было-бы еще хуже: не зачѣмъ бы было жить, не было бы никакой жизни.

Но вы скажете: отчего я не иду впередъ? Отчего я все такой-же, какъ былъ? Благодарите Бога за то, что вы такъ чувствуете.

Плохо, когда человѣкъ говоритъ себѣ: я сталъ лучше, чѣмъ былъ; вотъ, не курю, не блужу, не сержусь даже, — даю десятину, не такъ, какъ прежде, и не такъ, какъ мытарь. Помоги намъ Богъ быть всегда недовольными и не имѣть тѣхъ шаговъ, которые мы дѣлали, (если дѣлали), приближаясь къ Нему. Эти шажки замѣтны только тогда, когда мы дѣлаемъ то, чего не должно, — сравниваемъ себя съ прежнимъ собою, или съ другими. Мы должны стараться быть совершенны, какъ Отецъ, и потому — сравнивать себя только съ Нимъ, т. е. съ высшимъ, безконечнымъ добромъ и истиной, и тогда нашихъ шажковъ мы не увидимъ. Поддержатъ насъ въ жизни не эти лилипутскіе шажки по пути добра, а только сознаніе того, что мы исполняемъ волю Бога. Воля Бога-же въ томъ, чтобы мы, сдѣлавъ все, что можно, для уничтоженія несоотвѣтствія, сознавали бы, что мы сдѣлали то, чего нельзя было не сдѣлать, какъ работникъ съ хозяиномъ, вернувшійся съ поля.

Поразительно еще то, что это несоотвѣтствіе сознанія и жизни, которое такъ смущаетъ многихъ, всегда у всѣхъ людей одно и то-же: у самаго святого и самаго грѣшнаго

человѣка. По себѣ я по крайней мѣрѣ знаю, что въ святыя минуты сознанія на всякой точкѣ моего пути жизни, несоотвѣтствіе и недовольство собой было одно и то-же, постоянное. Я не чувствовалъ его только тогда, когда опускался нравственно. Стало-быть это не нѣчто особенное, а свойство истинной человѣческой жизни.

Да, дьяволу нельзя сказать разумнымъ людямъ, которые грѣшатъ и знаютъ это, дьяволу нельзя сказать: „вы совсѣмъ не грѣшите, убивая, блудя и т. п. Продолжайте жить такъ. Вамъ и всѣмъ будетъ хорошо". Люди не повѣрятъ. Вотъ онъ и придумываетъ такой обходъ, при которомъ выходило бы тоже самое, т. е. чтобы люди, грѣша, вѣрили бы, что они не грѣшатъ, и купались-бы въ своихъ грѣхахъ, не замѣчая ихъ,—вотъ онъ и говоритъ имъ: „Положимъ, что жизнь ваша — такая, которая не приведетъ всѣхъ къ добру и можетъ быть названа грѣховной. Положимъ, что вы грѣшите, живя такъ, какъ вы живете, но вѣдь безъ грѣха вы жить не можете, а между тѣмъ сознаніе грѣха слишкомъ тяжело, и Богъ не могъ хотѣть того, чтобы всѣ мучились постоянно этимъ созна-

ніемъ, и потому онъ далъ средство освобожденія отъ этого сознанія. Средство это — жертвы, которыя вы приносите, или за васъ приноситъ вообще искупительная жертва."

Мы такъ давно пріучены къ этому, такъ съ молокомъ всосалось намъ это представленіе о жизни такой, въ которой мы можемъ быть спокойны и довольны собой, что то самое естественное, неизбѣжное состояніе живой души человѣческой, въ которомъ мы чувствуемъ, что мы стремимся отъ худшаго къ лучшему, т. е. — несоотвѣтствіе жизни съ сознаніемъ, представляется намъ чѣмъ то исключительнымъ.

Я себѣ часто представляю героя исторіи, которую хотѣлось бы написать: человѣкъ, воспитанный, положимъ, въ кружкѣ революціонеровъ, сначала революціонеръ, потомъ народникъ, соціалистъ, православный, монахъ на Аѳонѣ, потомъ атеистъ, семьянинъ, потомъ духоборецъ. Все начинаетъ, все бросаетъ, не кончая. Люди надъ нимъ смѣются. Ничего онъ не сдѣлалъ и безвѣстно помираетъ гдѣ нибудь въ больницѣ. И, умирая, думаетъ, что онъ даромъ погубилъ свою жизнь. А онъ то — святой.

Третье — сомнѣніе о томъ, что все, что̀ вы думаете и чувствуете о вѣчной жизни, не есть ли плодъ безсознательнаго самообмана, вытекающаго изъ страха передъ призрачностью жизни. Вы пишите, что не можете ясно высказать этого состоянія. Его и нельзя высказать. Это состояніе есть только признакъ чего-то недодѣлавшагося въ душѣ.

Вѣдь если нѣтъ ничего, надо жить и веселиться. Но вы не можете больше этого. Если все это злой обманъ, призракъ, то надо застрѣлиться или молчать. Вы тоже не можете этого. Если-же есть Богъ, то надо откинуть, прорвать все то, что̀ раздѣляетъ насъ съ Нимъ. То, что̀ вы и дѣлаете и сдѣлаете.

Опять ужасная уловка дьявола, — это легкомысленная, ни на чемъ не основанная, ложная вѣра въ будущую, а не въ вѣчную жизнь. Я думаю, что если бы не было ложнаго ученія о будущей жизни, никто никогда не усумнился бы въ вѣчной жизни, (той, про которую вамъ такъ ясно сказалъ онъ, вашъ ребенокъ, такъ несомнѣнно жившій ею.) Опять дьяволу никакъ нельзя сказать, что вѣчной жизни нѣтъ, когда есть только одна вѣчная жизнь, и другой никакой мы

знать не можемъ, (и умершій ребенокъ живетъ ею). Опять онъ придумываетъ штуку: плотская смерть — это переходъ черезъ рѣку, пропасть, на другой берегъ, переходъ несомнѣнно твердый, прямо на пути, и нельзя ни миновать его, ни усумниться въ прочности его и въ томъ, что онъ ведетъ къ благу. И вотъ дьяволъ надстраиваетъ мостъ, который кончается обрывомъ, ведетъ совсѣмъ не туда, куда надо, и заводитъ людей туда подъ предлогомъ, что по его мосту легче перейти. И стоя на его мосту и видя передъ собой пропасть, вѣришь, что нѣтъ жизни.

Я это испыталъ. Не вѣрьте ему. Если есть сомнѣніе, то только потому, что вы хорошенько не разувѣрились въ жизни будущей личностей. Это его, дьяволовъ обманъ.

Жизнь вѣчная — какъ балонъ. Газъ — это не наша сила, а Божья, которая тянетъ кверху; веревки, привязывающія — это заблужденія; а баластъ — пристрастія, своя воля, а не Божья. Если привязь перерѣзана, то держитъ баластъ. На сколько его выбросимъ, на столько полетимъ".

V.

Изъ частныхъ писемъ и бумагъ Л. Н-ча разнаго времени.

„Безъ вѣры нельзя жить. Вѣра состоитъ въ томъ, чтобы знать, зачѣмъ мы живемъ. Вотъ это постарайтесь узнать. Это важнѣе всего на свѣтѣ. Но постарайтесь найти это сами, а не повѣрить кому нибудь на слово. Для того же, чтобы узнать самому, надо испытывать вѣру, какъ говорилъ Христосъ: „испытайте ученіе, и тогда увидите, правда ли оно.“

„Мою вѣру я высказываю во всѣхъ моихъ писаніяхъ послѣднихъ лѣтъ, сущность ея упишется здѣсь:

„Вѣра моя — въ томъ, что жизнь наша принадлежитъ не намъ, а Богу, который насъ послалъ въ жизнь, и потому цѣль нашей жизни должна состоять въ томъ, чтобы дѣлать Его волю. Воля же Его — въ томъ, чтобы

любовно поступать съ другими, также, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобою, для того, чтобы въ мірѣ борьба и ненависть замѣнялись согласіемъ и любовью.

„Вотъ и все. Испытайте жить по этой вѣрѣ, и вы увидите, справедлива ли она.

„Дай вамъ Богъ истиннаго блага, а другого нѣтъ, какъ жить по Его волѣ. И благо это большое, — больше всѣхъ другихъ благъ."

„Нравственный законъ и счастіе не имѣютъ ничего общаго, если подъ словомъ „счастіе" разумѣть благо животной личности. Благо же духовнаго „я" возможно только при соблюденіи и по мѣрѣ соблюденія нравственнаго закона. Христіанское ученіе въ томъ и состоитъ, чтобы перенести сознаніе своего „я" изъ животной личности въ свою духовную: разумную и любовную сущность."

„На дняхъ была дѣвушка, спрашивая (такой знакомый, фальшивый вопросъ), что мнѣ дѣлать, чтобы быть полезной? И разговорившись съ нею, я самъ себѣ уяснилъ:

Великое горе, отъ котораго страдаютъ милліоны, это не столько то, что люди живутъ

дурно, а то, что люди живутъ не по совѣсти, не по с в о е й совѣсти. Люди возьмутъ себѣ за совѣсть чью нибудь другую, высшую противъ своей совѣсти (напримѣръ, Христову, самое обыкновенное), и, очевидно, не въ силахъ будучи жить по чужой совѣсти, живутъ ни по ней, ни по своей, и живутъ безъ совѣсти.

А она, бѣдняжка, и не знаетъ, есть ли у нея какая нибудь своя совѣсть.

Это великое зло. И самое нужное людямъ — это выработать, выяснить себѣ свою совѣсть, а потомъ и жить по ней, а не такъ, какъ всѣ, выбрать себѣ за совѣсть совсѣмъ чужую, недоступную, и потомъ жить совсѣмъ безъ совѣсти, и — лгать, лгать, лгать, чтобы имѣть видъ живущаго по избранной чужой совѣсти.

Потому то я истинно предпочитаю кутилу, весельчака, не разсуждающаго и отталкивающаго всякія разсужденія, — умствователю, живущему по чужой совѣсти, т. е. безъ нея. У перваго можетъ выработаться совѣсть, у второго никогда, — до тѣхъ поръ, пока не вернется къ состоянію перваго.“

Мы дожили до того, что человѣкъ просто добрый и разумный не можетъ быть участникомъ государства, т. е. быть солидарнымъ, не говоря про нашу Россію, но — быть солидарнымъ въ Англіи съ землевладѣніемъ, эксплуатаціей фабрикантовъ, капиталистовъ, съ порядками въ Индіи, съ сѣченіемъ, съ торговлей опіумомъ, съ истребленіемъ народностей въ Африкѣ, съ приготовленіями войны и войнами.

И точка опоры, при которой человѣкъ говоритъ: я не знаю что̀ и какъ государство, и не хочу знать; но знаю, что я не могу жить противно совѣсти, — эта точка зрѣнія непоколебима; и на этой — должны стоять люди нашего времени, чтобы двигать впередъ жизнь. Я знаю, что̀ мнѣ велитъ совѣсть; а вы люди занятые государствомъ, устраивайте, какъ вы хотите государство — такъ, чтобы оно было соотвѣтственно требованіямъ совѣсти людей нашего времени.

А между тѣмъ люди бросаютъ эту непоколебимую точку опоры и становятся на точку зрѣнія исправленія, улучшенія государственныхъ формъ, и этимъ теряютъ свою точку

опоры, признавая необходимость государства, и потому сходятъ съ своей непоколебимой точки зрѣнія.

Три есть средства облегченія положенія рабочихъ и установленія братства между людьми.

1) не заставлять людей работать на себя, ни прямо, ни косвенно не требовать отъ нихъ работы, не нуждаться въ той работѣ, которая требуетъ излишка труда: во всѣхъ предметахъ роскоши.

2) Самому дѣлать для себя (и, если можешь и для другихъ) ту работу, кототая тяжела и непріятна.

и 3) Собственно не средство, а послѣдствіе и приложеніе второго: изучать законы природы и придумывать пріемы для облегченія работы: машины, паръ, электричество. Только тогда придумаешь настоящее и не придумаешь лишняго, когда будешь придумывать для облегченія с в о е й или, по крайней мѣрѣ, лично испытаннной работы.

И вотъ люди заняты только приложеніемъ 3-го средства, и то неправильно, потому что устраняются отъ второго и не только не хо-

тятъ употреблять настоящихъ средствъ перваго и второго, но и слышать не хотятъ о нихъ.

„Часто огорчаешься, что безсиленъ противъ людей, не можешь дать имъ истину, не можешь воздѣйствовать на нихъ.

Это отъ того, что видишь одно зло ихъ,— не видишь ихъ добра. Вѣдь только добро своей души покоряетъ зло своей души; стало быть для того, чтобы воздѣйствовать на человѣка, надо вызвать въ его душѣ его добро и вооружить его противъ его же зла. А какъ же это сдѣлать, когда видишь въ немъ одно зло?

На зло дѣйствуютъ еще насиліемъ и страхомъ; но дѣйствуя такъ, достигаютъ только подобія добра, т. е. лицемѣрія. Дѣйствовать же не насиліемъ нельзя иначе, какъ вызвавъ добро.

Зло производитъ всегда зло, таковъ законъ. Не объ этомъ ли сказано: Лк. II, гл. 7—26.“

VI.

Выдержки изъ нѣкоторыхъ частныхъ писемъ Л. Н-ча послѣдняго времени.

„Письма съ угрозами *) разумѣется не дѣйствуютъ; только непріятно въ томъ смыслѣ, что есть люди, напрасно ненавидящіе. А умирать постоянно готовишься, и это дѣло. Я недавно думалъ (и это рекомендую вамъ), что когда здоровъ, то стараешься получше жить во внѣ, а когда нездоровъ, то учишься получше умирать. Впрочемъ, эти письма не имѣютъ даже и этого достоинства: они такъ глупо написаны, что очевидно предназначены только для пуганья.“

---

*) Весною нынѣшняго 1898 года Л. Н. получилъ два анонимныя письма съ угрозой убить его за его вредное для православной церкви вліяніе.

„Все хочется н а п и с а т ь , и все забываешь, что надо написать на сердцѣ своемъ, и что, если т а м ъ будетъ твердо написано, то ужъ отпечатается тамъ, гдѣ нужно.“

„Ужъ очень важно, нужно передъ Богомъ изъ послѣднихъ силъ тянуть тотъ возъ, въ который мы подпряглись, вслѣдъ за Христомъ. Надѣюсь, что вы не припишите это самомнѣнію, а тому, что въ этомъ только жизнь — нести это иго и бремя по мѣрѣ своихъ силишекъ. И „силишки“ говорю не изъ ложной скромности, а для того, чтобы знать, что все дѣло огромно, что я не только не увижу осуществленія его, но даже, можетъ быть, и не почувствую, что возъ тронулся, а все-таки, только въ этомъ мое и всѣхъ насъ дѣло, и дѣло это больше, чѣмъ большое или малое,— это дѣло Божіе. Главное, говорю это для того, чтобы не руководиться внѣшнимъ успѣхомъ, котораго, вѣроятно, не увидишь, а внутреннимъ сознаніемъ, которое не обманетъ.“

„Огорчаетъ и заставляетъ страдать все больше и больше равнодушіе, жестокость, озлобленіе людей... Одно мучительно ужасно

видѣть — это раздоръ, нелюбовь существъ, на минутку соединившихся въ этой жизни; а болѣзнь, близость смерти (спасибо ей за это), уничтожаетъ эти нелѣпые раздоры, непониманіе другъ друга и сближаетъ людей."

„Знаю, что у васъ есть то, что̀ поддерживаетъ въ трудныя минуты жизни, — вѣра въ жизнь вѣчную, крошечную часть которой составляетъ эта жизнь, важная только тѣмъ, чтобы въ ней не измѣнить признанной нами волѣ Божьей. Знаю это, но знаю и то, что невозможно всегда поддерживать себя въ томъ духѣ, въ которомъ видишь и помнишь только Бога и Его законъ; знаю, что послѣ подъема духовнаго бываютъ упадки. И вотъ въ эти то минуты упадка духа хотѣлось бы быть съ вами, чтобы вмѣстѣ страдать и вмѣстѣ подниматься и помогать другъ другу.

Всегда мнѣ въ тяжелыя минуты памятны слова Христа: „не на этотъ ли часъ я пришелъ?" И эти слова всегда поддерживаютъ меня, если удается вспомнить ихъ во-время. Трудныя минуты тѣмъ должны быть дороги намъ, что для нихъ то, — для того, чтобы мы какъ должно пережили ихъ, — для

нихъ то мы и жили и набирались силы всю предыдущую жизнь. „Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ“.

„Меня всегда очень поддерживаетъ мысль о томъ, что то, что мнѣ трудно, и есть та ступень, до которой я дошолъ, и на которую мнѣ надо поставить ногу, чтобы подняться“.

„Я, слава Богу, живу хорошо, т. е. лучше, чѣмъ прежде: больше согласія и любви съ людьми и больше покорности волѣ Божіей. Нелюбовь вѣдь только отъ непокорности“.

VII.

Изъ писемъ Л. Н. Толстого, послѣдняго времени.

I.

По поводу „Толстовскаго Общества".

На просьбу одного англійскаго кружка (въ Манчестерѣ) почитателей Н. Л. Толстого, именовавшаго себя „Толстовскимъ Обществомъ", о томъ, чтобы онъ откликнулся нѣсколькими словами на ихъ дѣятельность, Л. Н. Толстой отвѣтилъ имъ слѣдующимъ письмомъ, отъ 15 августа прошлаго года, которое мы приводимъ въ переводѣ съ англійскаго:

„Дорогой другъ, вы правы, предполадая, что я долженъ быть заинтересованъ „Толстовскимъ Обществомъ". Но я жалѣю, что во мнѣ еще сохранилось достаточно тщеславія для того, чтобы быть заинтересованнымъ имъ. Я всегда былъ того убѣжденія, — и оно не

можетъ измѣниться, — что быть членомъ стараго общества, учрежденнаго Богомъ при началѣ сознательной жизни человѣчества, болѣе производительно для себя и для человѣчества, чѣмъ быть членомъ ограниченныхъ обществъ, организуемыхъ нами для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя мы въ состояніи сознать. Я думаю, что предпочтеніе, оказываемое нами нашимъ собственнымъ обществамъ, происходитъ отъ того, что роль, которую мы играемъ въ нихъ, представляется намъ гораздо болѣе важною, чѣмъ та, которую мы исполняемъ въ великомъ Божьемъ обществѣ. Но это только самообманъ: всѣ три вида дѣятельности, упомянутые вами въ вашемъ письмѣ, вѣрнѣе достижимы человѣкомъ, считающимъ себя членомъ великаго Божьяго общества, нежели членомъ „Толстовскаго Общества“. Такой человѣкъ, если онъ искрененъ, — какъ я знаю, что вы искренни, — будетъ, во-первыхъ, распространять, насколько можетъ, тѣ мысли, которыя доставили ему душевное удовлетвореніе и энергію жизни, не заботясь о томъ, Толстого ли онѣ или кого-либо другого. Во-вторыхъ, онъ будетъ всѣми силами стараться вызывать людей къ высказыванію ихъ

мнѣній о самыхъ важныхъ вопросахъ жизни. Въ-третьихъ, онъ будетъ стремиться доставлять каждому, съ кѣмъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе, столько радости и счастья, сколько онъ въ состояніи; а также будетъ помогать тѣмъ, которые впадаютъ въ затрудненія отъ твердаго слѣдованія ученію Христа. Человѣкъ, принадлежащій къ великому Божьему обществу, кромѣ того, исполнитъ и много другихъ христіанскихъ поступковъ, которые не были ни предвидены, ни опредѣлены ни „Толстовскимъ Обществомъ", ни какимъ бы то ни было другимъ. Я допускаю, что существуютъ нѣкоторыя выгоды въ соединеніи людей одинаковыхъ мыслей въ общества; но думаю, что невыгоды такихъ организацій гораздо значительнѣе, чѣмъ ихъ удобства. И потому я сознаю, что для меня было бы большой потерей перемѣнить свое членство великаго Божьяго общества на кажущееся полезнымъ участіе въ какомъ бы то ни было человѣческомъ обществѣ.

Мнѣ жаль, дорогой другъ, расходиться съ вами во мнѣніи; но я не могу думать иначе".

* * *

2.

По поводу „Народныхъ Листковъ".

(Въ отвѣтъ на письмо И. М. Трегубова.)

„Листки" я прочелъ, и листокъ о томъ, „Какъ попы поработили народъ ученіемъ Христа" прекрасенъ, и я обѣими руками подписываю его. Хорошъ и „О штундѣ".

Листокъ „Объ уличныхъ безпорядкахъ" — очень жалкій. Онъ, кромѣ того что безнравственень, — и просто глупъ. Если бы я былъ правительство, я бы печаталъ такіе листки на казенный счетъ и распространялъ въ милліонахъ экземпляровъ. Ничто болѣе основательно не можетъ подорвать или сдѣлать невозможнымъ довѣріе народа къ людямъ, раздѣляющимъ взгляды того, что̀ тамъ написано, какъ такіе листки.

Безнравственно то, что̀ предлагаетъ листокъ, потому что, если солдатъ доведенъ цѣлымъ рядомъ внушеній (гипноза) до того, что онъ поставленъ въ необходимость или убивать, или нести тажкія страданія, и кромѣ того такъ затуманенъ, что не видитъ грѣха убійства,— человѣкъ, который бы послушалъ состави-

теля листка, будетъ приготовляться къ убійству и совершать его, не вызванный къ этому ничѣмъ, кромѣ весьма сомнительныхъ утвержденій составителя листка, что отъ совершеннаго имъ убійства ему и его братьямъ будетъ лучше жить на свѣтѣ.

Непрактично то, что́ предлагаетъ листокъ потому, что немыслимо, чтобы безоружные, недисциплинированные люди могли отнять оружіе у вооруженныхъ и дисциплинированныхъ, и еслибы, на что есть одинъ шансъ изъ тысячи, гдѣ нибудь и случилось это, то эти отнявшіе оружіе были бы сейчасъ же задавлены настоящими войсками изъ другихъ мѣстъ.

Глупо же это потому, что готовиться къ убійству тѣмъ людямъ, которые хотятъ освободиться отъ убійствъ и угрозъ убійства, значитъ дать своимъ врагамъ единственный законный поводъ употреблять противъ нихъ всевозможныя насилія и даже убійства и оправдывать всѣ прежде совершенныя.

Заявлять о томъ, что я не солидаренъ съ людьми, раздѣляющими взгляды листка объ уличныхъ безпорядкахъ, — я полагаю излишнимъ. Я скоро 30 лѣтъ со всѣхъ сторонъ

повторяю одно и то же, — что все дѣло въ духовномъ состояніи людей, что всякое насиліе есть грѣхъ, а насиліе тѣхъ, которые борятся противъ насилія, есть безуміе. И потому искренній человѣкъ не смѣшаетъ меня съ насильниками революціонерами; а что неискренній можетъ взвести на всякаго какую ему нужно клевету — противъ этого ничѣмъ не оградишься, да и не нужно."

2 (15) декабря 1901 г.

VIII.

Нѣсколько мыслей Л. Н. Толстого о болѣзни и смерти, записанныхъ имъ лѣтъ десять тому назадъ.

„Страданіе отъ болѣзней и препятствіе къ занятіямъ, которое мы испытываемъ отъ болѣзней, происходитъ не отъ болѣзней, а отъ нашего отношенія къ смерти.

Если мы признаемъ, что смерть есть необходимый конецъ нашего плотскаго существованія, и что въ этомъ предстоящемъ концѣ, также какъ и въ продолженіи этой жизни, нѣтъ ничего ни хорошаго, ни дурного, — то страданія перестанутъ быть мучительны и не будутъ препятствовать жизни.

Если бы человѣкъ не сомнѣвался нисколько въ неразрушимости своей жизни послѣ смерти, то всѣ болѣзни представлялись бы ему только условіями перехода изъ одной формы жизни въ другую — перехода скорѣе жела-

тельнаго, чѣмъ нежелательнаго, — и тогда онъ переносилъ бы боль отъ болѣзней такъ же, какъ мы переносимъ боль отъ напряженія труда, и не было бы страданія, и не было бы сознанія прекращенія дѣятельности, потому что во время болей мы имѣли бы опредѣленную дѣятельность — готовиться къ новому состоянію.

Что это такъ — мы всѣ въ состояніи испытать это, хотя отчасти.

Но какъ же не страдать ужасно людямъ, когда вся жизнь ихъ состоитъ въ попыткахъ осуществленія желаній въ этомъ мірѣ въ будущемъ, въ постоянномъ желаніи того, чтобы скорѣе наступало будущее; и когда они все-таки знаютъ, что въ концѣ этого будущаго стоитъ то, чего они боятся такъ, что не смѣютъ даже объ этомъ думать — смерть? Какъ же не страдать, находясь постоянно въ этомъ внутреннемъ противорѣчіи, когда приходитъ болѣзнь, ведущая за собою смерть, какъ ведетъ ее всякая болѣзнь?

Отъ этого — мучительность страданій. Отъ этого и то, что̀ мы называемъ прекращеніемъ всякой жизни отъ болѣзни".

* * *

„Ахъ, кабы ни на минуту не забывать смерть, въ которую всякую минуту можешь соскользнуть. Коли бы помнить, что мы не стоимъ на ровной плоскости, — (если думать, что стоимъ, тогда только представляется, что ушедшій оборвался, и самъ боишься оборваться), — а катимся, не переставая, сталкиваясь, обгоняя и будучи обгоняемы, туда, за завѣсу, которая скрываетъ отъ насъ уходящихъ и скроетъ насъ отъ остающихся!

Если помнишь это всегда, то какъ легко и радостно жить и вмѣстѣ катиться туда, по той же покатости, во власти того же Бога, у котораго были во власти, у котораго мы теперь, и будемъ послѣ и всегда".

* * *

„Часто хорошо думаю, но думаю безъ смерти; и эта дума легкая, пустая. Часто хорошо живу, но живу безъ ожиданія смерти; и это — жизнь легкая, пустая.

Жизнь — талантъ, данный мнѣ для роста. Только тогда можно думать и жить съ смертью, когда будешь помнить, что дѣло одно, — не написать что̀, не помочь кому, не сдѣлать что̀ внѣ себя, а только одно: возрастить свою

жизнь, чтобы отдать ее хозяину, когда онъ возьметъ ее, — лучше, больше, чѣмъ она была дана мнѣ.

Это странно только тогда, когда ростъ жизни можно представить себѣ помимо любви къ людямъ и, стало быть, служенія имъ. Но ростъ и служеніе одно и то же, только разсматриваемое съ разныхъ сторонъ".